

УДК 811.161.1'28 : 81'342

ББК 81.411.2 - 5

Г 92

Грязнова В.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, e-mail: violetta-sgy@mail.ru

Фонетическая система говора казаков-некрасовцев Ставропольского края

*Статья публикуется при поддержке фонда РГНФ (проект 13-04-00009/15)
(Рецензирована)*

Аннотация:

Целью является описание специфики фонетической системы островного говора старообрядцев казаков-некрасовцев, более 250 лет проживших в Турции. В 1962 году старообрядцы казаки-некрасовцы вернулись из Турции в Россию и поселились в поселках и селах Ставропольского края. В задачи работы входит описание специфики вокализма, консонантизма, фонетических процессов в говоре в сопоставлении с общенациональным литературным языком. Используя методики и приемы структурного метода анализа языковых единиц, автор приходит к выводу о том, что в островном говоре старообрядцев казаков-некрасовцев в сопоставлении с общенациональным языком отсутствуют определенные согласные звуки в качестве самостоятельных звуков, некоторые согласные звуки не употребляются в типичных для них позициях, оппозиция по твердости – мягкости ряда согласных звуков является неустойчивой, имеются специфические виды безударного вокализма в предударных и заударных слогах после твердых согласных. Научные результаты работы исследования специфики фонетической системы островного говора старообрядцев казаков-некрасовцев являются вкладом в разработку теоретической проблематики диалектологии.

Ключевые слова:

Фонетическая система, говор казаков-некрасовцев, вокализм, консонантизм, фонетические процессы.

Gryaznova V.M.

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, North Caucasus Federal University, e-mail: violetta-sgy@mail.ru

The phonetic system of the Cossacks-Nekrasovets' dialect in the Stavropol Region

The paper is published at financial support of RGNF (project 13-04-00009/15)

Abstract:

The purpose of this article is to describe the specifics of the phonetic system of the insular dialect of old believers Cossacks Nekrasovets, who have lived in Turkey for more than 250 years. In 1962, they returned from Turkey to Russia and settled in the towns and villages of Stavropol Region. The work describes the specifics of vocalism, consonantism, and phonetic processes in the dialect in comparison with the nationwide literary language.

Using the methods and techniques of structural method of analysis of linguistic units, the author comes to a conclusion that the insular dialect of old believers Cossacks Nekrasovets lacks certain consonants as independent sounds, some consonants are not used in typical positions, the opposition in hardness – softness of a number of consonants is unstable, and there are specific types of unstressed vocalism in pretonic and posttonic syllables after hard consonants. The scientific results of the research on the specifics of the phonetic system of the insular dialect of old believers Cossacks Nekrasovets are a contribution to the development of theoretical problems of dialectology.

Keywords:

Phonetic system, the dialect of the Cossacks-Nekrasovets, vocalism, consonantism, phonetic processes.

В 1962 году в Россию из Турции вернулись казаки-некрасовцы, названные так в честь своего предводителя Игната Некрасова еще в начале XIII века и сохранившие это название до наших дней. Игнат Некрасов – сподвижник Кондратия Булавина, одного из лидеров Булавинского восстания на Дону 1707 – 1708 годов. После подавления Булавинского восстания И.Некрасов увел свой отряд с Дона на Кубань, а позже некрасовская община переселилась вначале на Дунай, а затем в Турцию.

Прожив в Турции 254 года по «Заветам Игната», некрасовцы во многом сохранили «допетровский» уклад жизни, веру, культуру, язык. Исторически говор казаков-некрасовцев является одним из донских южнорусских говоров. Он был сформирован на Дону, а в период скитаний и эмиграции некрасовцев изменялся и развивался под действием внешних социально-экономических и культурных факторов, а также в силу такого постоянного качества любой формы существования языка, как историческая изменчивость.

Вернувшись в Россию, некрасовцы поселились в селах Левокумского района Ставропольского края. Их самобытная речь привлекла ученых из многих научных центров России, в том числе и ставропольских ученых. Преподаватели кафедры общего и славяно-русского языкознания Ставропольского государственного университета, в настоящее время вошедшего в состав Северо-Кавказского федерального университета, в течение ряда лет

совместно с бакалаврами и магистрантами факультета работали над проектом, связанным с комплексным описанием культуры и языка казаков-некрасовцев. По итогам проекта имеется целый ряд публикаций преподавателей кафедры, магистрантов, студентов в сборниках научных трудов регионального, всероссийского и международного характера, проведены две международные конференции, поддержанные фондом РГНФ (автор идеи и руководитель проекта проф. Грязнова В.М.), по их результатам выпущено два сборника материалов (ответственный редактор проф. Грязнова В.М.). Был подготовлен и издан труд фундаментального характера – «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» (авторы-составители проф. Грязнова В.М., доц. Желябова И.В., ст.пр. Черкашина Э.А., ст.пр. Громакова О.Н. под общей ред. Грязновой В.М.) [1]. В настоящее время работа над исследованием специфики говора продолжается.

Целью данного исследования является описание специфики фонетической системы говора казаков-некрасовцев, так как он является островным русским говором, в силу чего проводится его сопоставление с литературным русским языком. Примеры из речи казаков-некрасовцев собраны ставропольскими учеными в период полевых экспедиций в села Левокумского района Ставропольского края.

Впервые на специфику фонетической системы говора казаков-некрасовцев

обратила внимание в 1963 году ростовская исследовательница О.К. Сердюкова [2: 83-85]. Позже, уже в XXI столетии, анализируя фонетику орегонских турчан, А.А. Касаткин высказал предположение, что фонетика говора ставропольских некрасовцев имеет те же черты, что и их фонетика [3: 581-582, 595]. Наши наблюдения над фонетикой говора уточняют и дополняют имеющийся в литературе вопрос анализ:

1. Вокализм в говоре. Специфика фонетической системы говора казаков-некрасовцев в области гласных проявляется прежде всего в области безударного вокализма. В области гласных звуков наблюдаются южновеликорусские процессы: аканье, яканье, иное качество редукции, расширение условий перехода *e* в *o*.

В области аканья в говоре преобладает недиссимилятивное аканье. П.С. Кузнецов так определяет этот вид аканья: «Аканье, при котором в первом предударном слоге на месте *o* и *a* постоянно является *a* или гласный, близкий к нему, называется недиссимилятивным аканьем» [4: 21].

В говоре некрасовцев недиссимилятивное аканье наблюдается после твердых согласных, в том числе и после шипящих и звука *ц*, на месте всех гласных неверхнего подъёма: *навёс, прасила, пиано, пьшаница, ф карыти, багач, жаних, цаплямси, на вайне, сабе, памру, атпал* и т.д.

Диссимилятивное аканье встречается в говоре некрасовцев редко. Под ним понимают «аканье, при котором в первом предударном слоге на месте *o* и *a* наблюдаются *ъ* или *ы* перед ударным *a*» [4: 21-22], когда происходит расподобление между ударным и предударным гласным: если под ударением *o* или *a*, то в первом предударном слоге не-*a*/не-*o*. В говоре некрасовцев в первом предударном слоге в названных условиях мы встретили два звука – *ъ* и *у*. Такие примеры в говоре являются нечастыми: а) *пъжарим, пъхарья*, б) *чубан, кукошник, болгары, Бугуслоф*. Названный вид диссимиляции бывает и во втором предударном слоге: *чумадан, бугуродица*.

В ряде примеров мы нашли специфические виды безударного вокализма в первом предударном слоге после твердых согласных, не отмеченные О.К. Сердюковой и другими исследователями:

а) появление звука *у* на месте звука *a/o* перед ударным *э* или *и*: *брусветы* (браслеты), *у суседих, ядинулична*. Полагаем, что перед нами случай уподобления по подъёму: в первом предударном слоге отвергается возможный гласный нижнего подъёма, он заменяется на гласный верхнего подъёма, более близкий к ударным звукам *э/и*;

б) появление звука *у* на месте звука *a/o* перед ударным *у*: *фуртуна*. В этом примере мы имеем факт полного уподобления по качеству между ударным и безударным звуком.

в) появление звука *ы* или *ъ* на месте звука *у* перед ударным *ы*: *къбышка, кыбышка*. В этом примере мы также имеем факт полного или частичного уподобления по качеству между ударным и безударным звуком;

г) появление звука *a* на месте звука *у* перед ударным *ы*: *рамынцы*. В данном случае имеется факт диссимиляции ударного и безударного звуков по подъёму: расподобление сочетания звуков (в первом предударном и ударном слогах) *у* и *ы* на сочетание звуков *a* и *ы*;

д) появление звука *a* на месте звука *и* перед ударным *и*: *няма апатиту*. В данном случае имеется факт диссимиляции ударного и безударного звуков по своему качеству: расподобление сочетания звуков (в первом предударном и ударном слогах) *и* и *и* на сочетание звуков *a* и *и*.

В области яканья наблюдается ассимилятивно-диссимилятивное яканье, которое представляет собой совмещение принципов диссимилятивного и ассимилятивного яканья. П.С. Кузнецов так характеризует данный тип яканья: «После мягкого согласного *a* наблюдается и перед ударяемым гласным верхнего подъёма, и перед ударяемым гласным нижне-

го подъёма (т.е., *a*). Только перед ударяемым гласным среднего подъёма и то только в том случае, если перед последним мягкий согласный (т.е., если этот гласный среднего подъёма *e* или *o*, развивавшееся из старого *e*), в предупредном слове наблюдается *и*: *нясла, бяда, зямля, сяло, нясу, цвяты* и т.д., но: *нисёш, диревня, лител*» [4: 50]. Такую разновидность яканья в литературе вопроса принято называть ассимилятивно-диссимилятивным яканьем кидусовского вида в связи с его распространенностью в деревне Кидусово Рязанской области. Приведем примеры из речи некрасовцев: *яво, ряшыть, плятьми, лятають, лянивая, нямнога, лятучий, звяздо, ядовый, дяды, зямля, лядина, мязинис* (случаи с *и*: *рибёнак, типерь, глидела, зимлёй, зилёных, сплитёнай*).

Явление протетического звука *в*. Протетический *в* нередко встречается в говоре: а) чаще всего в начале слова перед ударными звуками *у, о*: *вуть, навирху вужы, вуксус, вужынатъ, вуж, матирял вуруминскай, вуха, нету вовата* (овода), *вутрам, на фсякую вовациъ, вости, вома-рака, вось* (есть и ось) *вокынь* (окунь), *вокна, Терскай вобласти*; б) реже в начале слова перед безударными *у, а*: *вумирла, вутулак* (есть и утулак), *вучитильница с вучильниками, буть на воде вастьми* (от *вост*), *вузалок*.

Замена начального звука *в*. В начале слова перед согласными звук *в* заменяется в говоре звуком *у*, редко звукосочетанием *йи*: *на сваиму укусу, удава, унук, у капан, у сърахвану, у лес, йирмишель*.

Переход ударного *e* в *o* после мягких согласных. Данный фонетический процесс в говоре имеет отличия от результатов перехода ударного *e* в *o* в литературном языке. В одних лексемах мы видим расширение списка слов, включенных в данный фонетический процесс, вследствие нарушения того или иного условия перехода: а) переход в слове, заимствованном из церковнославянского языка, или слове, имеющем церковнославянский

корень или церковнославянскую коннотацию – *нёбо, на нёби, крёснушка, крёсная*; б) переход в группе *ер* (из *ьр*), когда за звуком *р* следует мягкий согласный – *смёртный* (от *смерть* с мягким *рь*).

В некоторых словах, имеющих все фонетические условия для перехода, данный процесс отсутствует: *жэны, звезды, зебри* (жабры), *берса* (в великорусском берцо), *шэлка*.

Изменение ударных гласных. В ряде слов имеются факты замены ударных гласных в словах, бытовавших в русском языке до эмиграции некрасовцев: звуки *o, ы* заменяются звуком *у*, звук *а* – звуком *ы*:

а) *целая бумба*. Лексема *бомба*, по данным БАС, зафиксирована в Лексиконе Вейсмана 1731 года именно в таком фонетическом облике [5: 570]. Возможно, перед нами явление языковой игры: отзвучие со словом *бум*;

б) *пузурь*. Лексема *пузырь*, по данным БАС, отмечена в Лексиконе Поликарпова 1704 года именно в таком фонетическом облике [6: 1670];

г) *судить чилавека ды ругаить; слой рыбу ды слой луку*. Лексема *да*, по данным БАС, отмечена в материалах И.И. Срезневского и в Лексиконе Поликарпова 1704 года именно в таком фонетическом облике [7: 515]. В то же время слово *ды* в значении «и, ещё» зафиксировано в словаре Даля с пометой южное, курское [8: 1019] и могло быть привнесено в говор и до эмиграции казаков;

д) *куды*. Лексема *куда*, по данным БАС, отмечена в материалах И.И. Срезневского и в Лексиконе Поликарпова 1704 года именно в таком фонетическом облике [9: 1788]. В то же время слово *куды* отмечено в словаре Даля как вариант лексем *куда* без всяких помет, т.е., как общерусское слово крестьянского мира [10: 541], по данным СРНГ слово *куды* распространено в различных русских говорах [11: 16-17] и могло быть привнесено в говор и до эмиграции казаков.

Второй предупредный слог. Во втором

предударном слоге (а также в третьем предударном слоге и других) после твердого согласного в говоре некрасовцев звуки *а/о* совпадают в звуках *а* или *ъ*, редко *у* или *ы*:

а) *агаражывать, паплафки, паразбеглися, галавач, далина, зафсягда, завадицца, заядина, растрабидник*; б) *съдавина, сърахван, пъятела, гъдавинка, гъянишиша, дъмавина, пъдаплёка, пътишывалка, пъзабыцца, скъваротку, къмары, мъкара* (*макара* – «приспособление для подъёма паруса»), *мъшанба* (*машанба* – «брзентовый щит»), *мъладёна, мъяня, нъ пандлях*; в) *сфутуграфируй*; г) *пьявыи* (от *пай* – «участок земли»).

Мы также нашли случаи количественно-качественной редукции звука *у* во втором предударном слоге после твердого согласного до звука *ъ*: *пъзырэк*.

Во втором предударном слоге после мягкого согласного в говоре некрасовцев встречаются звуки *и* или реже *ь*: а) *вътирок, пирьбрадить, пирьбумажыть, пирькарять*; б) *зиянила* (*зеленила* – «зеленая краска»), *зимляной, зирбялика, зимавацца, кибялёнак, лижабок, нивадарный, ниразвитной, пиляно*;

Гласные в заударных слогах. Вопрос о гласных конечных слогов тесно связан с морфологическими явлениями аналогии и выравнивания. В данной статье мы даем общую характеристику качества заударных слогов в говоре, в котором и в открытых, и в закрытых слогах после твердого согласного произносится звук *а*, или *ы*, или *ъ*, или *у*: а) *аблюбила, атрывак, ета, вешалка, бисталковай, нюхальник, тонинькава, тилиграма*; б) *вокынь, лошкых, з братьым, зафтрыкаим, таварышша*; в) *такая-тъ, натягъваим, придакывать, пристёбливъвацца, приходивъцца, загавър*; г) *спаласкивуим, праигрывуимси, тулувишиша, сторуи*.

В заударных слогах в говоре, и в открытых, и в закрытых слогах, после мягкого согласного произносится звук *а* или *и*: а) *ныня, выхадитя, върятавать*, б) *во-сим, на поли, очинь, десить*.

Прояснение редуцированного в слабой позиции в гласный полного образования *а* или *и*: *у рата, на лабу-та, из ляды, ребёнака, збирать турака*. Возможно, что это следствие морфологических явлений аналогии и выравнивания: *рот* – *рата, лоб* – *лаба, лёд* – *ляда, ребёнак* – *рибёнака, турок* – *турака*.

Появление гласного в сочетаниях сонорного с другим согласным в заударном и предударном слоге: *тёрин, самародина*.

2. Консонантизм в говоре. Рассмотрим специфику отдельных звуков и фонетических процессов в области согласных.

2.1. Отдельные звуки. Для говора характерен *г* фрикативный, который оглушается в звук *х* на конце слова: *уадны, ис кууе* («озерное растение, тростник»), *кау бълaxon, настёуаныи, снех, акрух, бох стъринь ня дасть*.

В окончаниях существительного в родительном и винительном падежах множественного числа в говоре имеется звук *х*, появление которого обусловлено специфическими фонетическими процессами в говоре, а именно: переходом от *w* губно-губного к *в* губно-зубному, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук *w* мог превратиться в заднеязычный фрикативный *х*: *няма карох, казакох*. О билибиальности в древности звука *в* писали многие ученые, среди них и П.С. Кузнецов [4: 63].

На месте *ф* (чаще в начале слова, а также в конце и в середине) в говоре произносится звуки *х*, *к* или звуко сочетания *хв*, *кв*: *сърахван, квасоля, хванарик, Хвеня, штрах, штрахують, кохта, Хума, кухаёнка*. В то же время звук *ф* типичен для говора как результат оглушения звука *в* или его ассимиляции по глухости: *дроф, на быкоф, рукафчики, фтянули, фсякаи*. Нередко встречаются и случаи гиперкоррекции: звук *ф* на месте звуков *г/х*: *кофти, куфни, лёфкий, куфарь /кухарь* (повар), *куфлик/ кухлик* (кружка).

Среднеязычный звонкий фрикатив-

ный согласный *j* в положении перед ударным гласным, а также после ударного гласного не в начале слова утрачивается: а) *усыпали салю, пяница, пянаи были, козы корку абели, матирял, пём (пъём), сащем (сошьём), сабём з древа (собъём)*, б) *сви-ни, восиню, ночью придуть, шерстю адет, ночью лятають, белю зтягнулися (бель – «иней на стеклах»), артелю ездють.*

Нередко на месте мягкого согласного *рь* в середине слова произносится твердое *р*: *рыдник, Сидорывна, гурба гусей, скрыпучая, таварыша*. Реже на месте твердого согласного *р* в середине слова произносится мягкое *рь*: *дирька, рыбы*.

Звук *щ* нередко произносится как твердое долгое или краткое *ш*: *ношишык, шио/шишо, плошшы-млошшы, плош* (плоские металлические украшения на балахоне), *шишаняцца, пладушишой, шука/шшукка*. В то же время возможен и звук *щ* как самостоятельный, первичный: *пляцинда, щи, вовашць, нищий, в аградьбищи, глазищи, веши, щель*. Кроме того, звук *щ* в говоре мог быть несамостоятельным, возникшим в результате: а) замены звука *ч*: *свещка, щистата, катламащка*; б) полной ассимиляции звуко сочетаний *жч, сч*: *муцинскай, муцины, щитались*.

Наблюдается твердое *м, п, в* в конце слов на месте мягких губных согласных: *восим. сем, степ, цеп, вобуф*, но в то же время есть слова, в которых мягкий конечный губной сохраняется: *земь, зель, цепь, любофь, свякрофь, настафь*.

Характерен мягкий согласный *ть* в конце 3 лица глаголов единственного и множественного числа: *закликаить, прилепють, заплотють, ни мурмычить*.

2.2. Фонетические процессы. Распространены следующие фонетические процессы: ассимиляция по глухости/звонкости, ассимиляция по месту и/или способу образования, оглушение звонкого согласного в конце слова, перестановки, эпентезы, диэрезы, замещения. Покажем названные фонетические процессы подробнее.

Распространена ассимиляция по глу-

хости: *сирёшки, Азофская, слаткай, блиска, банка, на лотки, фсё, адёшку*. Ассимиляция по звонкости встречается реже, так же, как и в литературном языке: *ад берига, здадим, з гьлавы, таг было, лиж бы, можыдь быть, зглупавать, у наз был*.

Характерно оглушение звонкого согласного в конце слова: *пабех, няма стаканаф, абет, зуп, нет кулакох, фпирёш, фхот, зёнчух, княсь, денех, уш*.

Полная ассимиляция по месту и/или способу образования звуко сочетаний *жж, тс, шс, сч* является нормой: *прияжжала, мьлаццы, балавацца, вяжыцца, чистицца, двинацца, напёсси, памолисси, застябнёсси, щитались*.

Неполная ассимиляция по способу образования звуко сочетаний *вн* (замена фрикативного губно-зубного *в* на носовой губной *м* перед носовым зубным *н*) встречается реже: *нидамна, сламнай, Сидарамна, жанёмшась*.

Неполная ассимиляция по способу образования звуко сочетаний *св* (изменение бокового переднеязычного *л* на фрикативный губно-зубной *в* после фрикативного переднеязычного звука *с* и перед гласным) представлена единичными примерами: *брусветы* (браслеты).

Неполная диссимиляция по способу образования звуко сочетаний типична для говора *кт, кр*: *кто, никто, квахтуха, хрест*.

Для фонетической системы говора казаков-некрасовцев также характерны: а) перестановки: *гардал/галдар* (сорт горчицы), *чикатуриуть*; б) диэрезы: *тады, када, сонца, сердца, струмент, празник, сичас, сякрофь, балесь*; в) эпентезы: *Церква с кумпалами*.

Различные замены звуков также частотны в фонетической системе говора казаков-некрасовцев:

а) распространена замена *ч* на *щ* в начале и середине слова: *щюма* (чума) *ляцила людей, коцки* (кочки), *паццистим, паццятки, ф щюлани, нитащыки, щистата, агурицки, ф кадащыки, щиряк в рату, щистая, гарчищышка, щяво ты, щяса*

два, шулки, авдищицки, рубашацки;

б) распространена замена *ц* на *с* в конце и середине слова: *три пальса, Турсия, атес, святы, агурсы, с канса, яис многа, свитётъ, святистая, святощиками*;

в) встречается замена *ж* на *з*: *зенчух, зёбри*; замена *м* на *н*: *никробы, зенчух*; замена *т* на *ч*: *чижало жыть, хочь*.

В целом характерные особенности системы гласных говора проявляются в следующих явлениях: в специфических видах безударного вокализма в первом предударном слоге после твердых согласных: *брусветы* (браслеты), *у суседих, фуртуна, кыбышка, рамынцы, апатит*; в наличии архаического ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского вида: *лянивая, вярхами, но плименник, чирто*; в широком распространении явления протетического звука *в*: *вутришня, вусики, воспа, вухадили*; в частичном несовпадении результатов перехода ударного *е* в *о* после мягких согласных в говоре и в литературном языке: *на нёби, но жэны*; в отсутствии изменения качества звука *а* во втором предударном и заударном слогах: *панмношку, валакёца, атиалудиви-*

най, падрушками.

В целом характерные особенности системы согласных говора проявляются в следующих явлениях: наличие особого фрикативного звука *г*; отсутствие самостоятельного звука *ф*; отсутствие согласного звука *ј* в позиции перед ударным или безударным гласным в середине слова; неустойчивость оппозиции по твердости – мягкости звуков *р/ръ* в середине слова; неустойчивость оппозиции по твердости – мягкости звуков *п/пъ, ф/фъ, м/мъ* в конце слова; редкая самостоятельность звука *ц*; значительное количество различных замен согласных в начале, конце и середине слова.

Фонетическая система говора казаков-некрасовцев представляет собой одну из форм существования во времени и пространстве русской языковой системы. Представление вокализма и консонантизма является в определенной степени специфичным, что обусловлено как островным характером говора, так и давлением устной формы речи, являющейся на протяжении двух с половиной веков единственной формой бытования данного говора.

Примечания:

1. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / под общей ред. В.М. Грязновой. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 607 с.
2. Сердюкова О.К. Из наблюдений над фонетическими особенностями говора казаков-некрасовцев // Научные сообщения за 1963 год. Ростовский университет. Ростов н/Д, 1964. С. 82-86.
3. Касаткин Л.Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В.В. Виноградова // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. М.: Яз. слав. культуры, 2008. 608 с.
4. Кузнецов. П.С. Русская диалектология. М.: Учпедгиз, 1964. 154 с.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1 М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 787стлб.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1842 стлб.
7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 1393 стлб.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс: Универс, 1994. 1744 стлб.

9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1916 стлб.
10. Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. 2028 стлб.
11. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.

References:

1. Semantic dictionary of the dialect of Nekrasov Cossacks with lingvoculturological comment / under the general editorship of V.M. Gryaznova. Stavropol: Stavropolservisshkola, 2012. 607 pp.
2. Serdyukova D.C. Some observations of the phonetic peculiarities of the dialect of Nekrasov Cossacks // Scientific Reports for 1963. Rostov University. Rostov-on-Don, 1964. P. 82-86.
3. Kasatkin L.L. Study of the dialect of the Russian Old Believers at the Institute of the Russian Language of V.V. Vinogradov // Russian Old Believers. Language. Culture. History. M.: Yaz. Slav. kultura, 2008. 608 pp.
4. Kuznetsov P.S. Russian dialectology. M.: Uchpedgiz, 1964. 154 pp.
5. The dictionary of modern Russian literary language. V. 1 M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 787 columns.
6. The dictionary of modern Russian literary language. V. 11. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 1842 columns.
7. The dictionary of modern Russian literary language. V. 2. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. 1393 columns.
8. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vol. V. 1. M.: Progress: Univers, 1994. 1744 columns.
9. The dictionary of modern Russian literary language. V. 5. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 1916 columns.
10. Dahl V.I. The mentioned work. V. 2. 2028 columns.
11. Dictionary of Russian folk dialects. L.: Nauka, 1980, Iss. 16. 376 pp.